ЕВГЕНИЙ КОЖЕМЯКИН

kozhemyakin@bsu.edu.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСОВ

Институциональные дискурсы специфичны не только условиями регламентированного производства знания, особым образом иерархизированными участниками, специальной «телеологией», но и кодом, который в единстве своих семантических, синтаксических и прагматических характеристик нацелен на достижение институциональными акторами определенных целей. Идея лингвистических различий социальных институтов хорошо известна лингвистам и здесь получено немало значимых результатов. Но то, что в значительной степени характерно для дискурс-анализа – это интерес не к коду как таковому, а к его использованию, основанному на выборе актором семиотических единиц в соответствии с характером производства знания в общественном институте. Рассмотрим ключевые лингвистические стратегии, используемые в некоторых институциональных дискурсах, с помощью которых общественные институты воспроизводят характерные для них концепты, представления, картины мира, мифологии.

Политический дискурс

Многочисленные исследования языка политики (см, напр., Wodak 1996, Fairclough 1995) свидетельствуют о том, что весь лексико-грамматический состав политического дискурса ориентирован, с одной стороны, на реализацию его главной цели – перераспределение и легитимацию власти, и, с другой стороны, на осуществление своего рода «*онтологического переноса*», в котором преимущественно социальные объекты репрезентируются как психические, имманентные адресату. Семантическая неопределенность, эзотеричность, идеологическая полисемия, сложность или неоднозначность значений политической лексики позволяют субъектам политической дискурсной практики манипулировать со смыслом высказываний, заставлять адресатов находить в политических высказываниях близкие их субъективному опыту смыслы, интериоризировать политические ценности и представлять субъективные значения (преимущественно связанные с «волей к власти») как в качестве объективных категорий. На это нацелена и другая особенность политического дискурса – активное использование лексики эмоционально-возвышенного характера.

Как и в случае с религиозным дискурсом, политику отличает формальная диалогичность, являющаяся, по сути, формой монолога, а выяснение позиций, критика, дискуссия (то есть атрибуты диалога) исключаются из неё. Скорее, речь

следует вести о «диалогизации» монологической речи, характеризующейся широким использованием таких коммуникативно-речевых приемов, как обращение, вопрос, восклицание. В этом политический дискурс может быть противопоставлен языку науки, юриспруденции и медицины.

Политический дискурс в полной мере апеллирует к эмоциям адресата, а значит – содержит широкий спектр экспрессивных языковых средств – как лексико-речевые (оценочные номинативы, атрибутивы, положительных и отрицательных экспрессивов и др.), так и риторические (эпитеты, метафоры, метонимии и прочие тропы; приемы риторической конвергенции; семантико-синтаксические фигуры – антитезы, градации, повторы и проч.). Экспрессивизация языка политического дискурса «облегчает» процесс интериоризации политических ценностей и политических объектов: обращение к эмоциям предполагает «присвоение» референта высказывания. В этом же аспекте показательным является использование в политическом дискурсе «мягких» речевых актов, не прямо принуждающих индивида к требуемым действиям, но создающих контекст, в котором индивид сам якобы принимает решение о действии. Так, вместо достаточно широко используемых в политическом дискурсе деклараторов и комиссивов, часто используются репрезентативы и экспрессивы. Такие «манипулятивные» речевые акты ориентированы на закрепление определенной коммуникативной и – в целом – политической позиции за коммуникантами. По мнению представителей критического дискурс-анализа (Н.Фэрклоу, Р.Водак, Т.Ван Дейк), манипулятивные речевые акты являются показателями отношений социального неравенства в сообществе, причем их форма непосредственно предопределяется социальной позицией коммуникантов.

Широко описанный в современной литературе манипулятивный характер политического дискурса обусловлен, с одной стороны, спецификой «онтологического переноса» и, с другой стороны, жесткой целевой детерминацией всех компонентов политического дискурса, а реализуется за счет, главным образом, языковых средств дискурса. Говоря о языковых и речевых тактиках политического дискурса, Жан Бодрийяр отмечал, что они строятся не столько на принципах принуждения и побуждения, сколько на принципах соблазна (Бодрийяр, 2000). Известна также концепция интерпелляции, разработанная Луи Альтюссером, согласно которой власть оперирует таким образом, что индивид не испытывает прямого подчинения агенту власти, а «вовлекается» во властные отношения с помощью своего рода языковых «запросов».

Широкое применение в политическом дискурсе «мягких» языковых и речевых технологий говорит о том, что дискурс политики адаптивен к общественному и индивидуальному как рацио, так и бессознательному.

Религиозный дискурс

Язык религии – его лексико-грамматические особенности, стилистические средства и речевые акты - ориентирован на решение одной из базовых проблем

религиозного дискурса - поиска средств для адекватного выражения системы референций. Поскольку мистические переживания принципиально не могут быть адекватно зафиксированы в семиотических системах, то языковой параметр религиозного дискурса выражает лишь ту или иную степень «приблизительности» высказывания и его соответствия содержанию мистического опыта.

Проблема *невыразимости* религиозных переживаний решается с помощью языка религиозного дискурса, как минимум, двумя способами. Во-первых, языковыми средствами передачи мистического опыта являются *эвфемизмы*, *тропы*, *экспрессивно-возвышенная лексика*, *фасцинативные речевые стратегии*, *положительные и отрицательные экспрессивы*, *оценочные номинативы*, etc., то есть всё то, что обеспечивает не точную рационализацию референта высказывания (как это происходит в научном дискурсе), а его «интуитивное понимание» (как это осуществляется в художественно-эстетическом дискурсе). В этом случае, как и в отношении политического дискурса, справедливо утверждение, что обращение к интуиции и эмоциям адресата облегчает интериоризацию идей, ценностей и оценок. Во-вторых, догматический аспект религиозного дискурса проявляется в широком использовании «консервативных» языковых стратегий – *употребление устаревшей лексики*, *специфичной религиозной терминологии* (например, в православной церкви это элементы старославянского языка), *цитирование сакрального текста* (например, пословицы и поговорки, основанные на библейских высказываниях). «Консервация» как семантических структур, так и языкового «узуса» предполагает сохранение догматического потенциала дискурса, ориентацию на точное воспроизведение сакрального текста, в котором, как полагается, зафиксировано «истинное знание».

Широкий спектр языковых средств, используемых в религиозном дискурсе, безусловно, обогащает его с эстетической точки зрения, делает его наряду с художественным дискурсом наиболее лексически насыщенным и стилистически ярким дискурсом. В то же время, язык религии исключает использование инвективной, приниженной, простонародной и табуированной лексики. Языковые средства религиозного дискурса являются одним из средств репрезентации возвышенных объектов и «сакрального опыта», а также воспитания адресата и нормирования отношений между индивидами. Это означает, что содержание языка религиозного дискурса есть репрезентация его системы референций: божественное, сакральное, высшее, сверхъестественное не может быть помысленно в терминах «приземленных» феноменов, они всегда «над» обыденным, а стало быть, требуют специфичных имен и эпитетов, то есть – специфичного словаря для их репрезентации.

С точки зрения речевых актов религиозный дискурс насыщен высказываниями *перформативного* характера: использование сакральных имен, высказываний, текстов означает актуализацию мистического трансцендентного опыта, «заклинания» мира, «соприкосновения с Абсолютом». Прагматика использования таких речевых феноменов религиозного дискурса, как мантры, молитвы, воззвания, etc. заключается в осуществлении попытки иррационального перехода из области обыденного, повседневного в область

сакрального, мистического, сверхъестественного. Другой аспект перформативности религиозного дискурса – это высказывания, имеющие силу институционального действия. Отречение от Церкви, воцерковление, саноположение, покаяние, крещение, исповедь – все эти действия вербально оформляются, сопровождаются конкретными установленными высказываниями, а в ряде случаев (например, исповедь, анафема, воззвание) полностью сводятся только к речевым актам. Эта особенность сближает религиозный дискурс с юридическим и, частично, политическим, которые также используют речевые акты в качестве полноценных институциональных действий.

Как в политическом, так и в религиозном дискурсах широко используются такие коммуникативно-речевые приемы, как обращение, вопрос, восклицание, что позволяют судить о «формально-диалогичном» характере дискурса, который фактически направлен на реализацию преимущественно монологических стратегий (нормирование, воспитание, обращение, призыв). Это существенным образом отличает религиозный дискурс от научного, юридического, медицинского дискурсов.

Характерное для религиозного дискурса использование таких языковых средств, как антитезы («добро – зло», «рай – ад», «бог – человек», «вечное – тленное», «бесконечное – предельное»), безличных конструкций («необходимо, чтобы…», «допустимо, что…», «неприемлемо, чтобы…»), языковых средств с негативной и положительной коннотацией свидетельствует, с одной стороны, о попытках более точно маркировать и описать область Абсолюта как центральной темы религиозного дискурса и, с другой стороны, о выполнении конкретных познавательных процедур репрезентации, категоризации, интерпретации.

Юридический дискурс

Язык юридического дискурса представляет собой один из наиболее своеобразных кодов, традиционно использующихся в институциональной среде. Его уникальность выражается в широком использовании понятийно-смысловых языковых средств (терминов), клише и канцеляризмов, отсутствием (и даже целенаправленным вымещением) экспрессивных средств, сложностью синтаксических структур, устойчивым использованием ограниченного спектра жанрово-стилистических средств, низкой контекстуальностью, etc. Весь характерный для юридического дискурса «набор» языковых и стилистических средств, а также типов речевых актов свидетельствует об их подчиненности цели юридического дискурса – нормализации отношений между индивидами. Так, юридические термины содержат в себе точную информацию о ключевых объектах юридического дискурса – о праве, норме, справедливости, нарушениях, санкциях и так далее. Однозначность, константность использования, экспрессивная нейтральность – эти и другие качества юридической терминологии, во-первых, позволяют провести непосредственные аналогии с научными терминами и, во-вторых, позволяют закрепить за объектами дискурса определенные толкования и представления,

избегая, таким образом, нежелательных интерпретаций и строго обозначая область, содержание и характер действия права.

Языковые единицы и средства юридического дискурса образуют в своем роде герметичную систему, не всегда имеющую аналоги (например, «иск», «презумпция», «правореализация») или имеющую «ложные аналоги» в обыденном языке (например, «государство», «свидетель», «риск»). Это обстоятельство не просто затрудняет понимание «языка права» «наивным» реципиентом. Язык юридического дискурса занимает доминантную позицию по отношению к языку бытового дискурса: только институционально закрепленная трактовка юридических терминов представляется правильной, в то время как обыденная интерпретация априори номинируется как неверная. Можно сказать, что не только незнание, но и непонимание закона «не освобождает от ответственности». Тем не менее, объем понятий, выражаемых юридическими терминами, имеет отношение к некоторой реальности, которую воспринимают и описывают как юристы-специалисты, обладающие знаниями верной (то есть легитимной и приемлемой в рамках определенной юридической культуры) интерпретации терминов, так и неспециалисты, «пользователи» юридических текстов. Объем понятий юридических терминов может быть уже объема понятий аналогичных обыденных лексических единиц (например, «нарушение нормы», «порядок», «опровержение») или не совпадать с ним (например, «государство», «дело» или «мотив»). Язык юридического дискурса фиксирует своего рода примат юридической над обыденной картиной мира, а это непосредственно характеризует ориентацию юридического дискурса на реализацию цели нормирования общественных отношений. Языковая система юридического дискурса выражает некоторый идеал общественного устройства и общественных отношений, в соответствии с которым реализуются дискурсные стратегии конструирования и реконструирования социальной реальности.

Ориентация на точное и недвусмысленное выражение юридических понятий, причинно-следственных связей, обоснований тезисов обусловливает использование синтаксических структур, выражающих условие и причину (например, придаточные условия).

Конструирующие и побуждающие функции юридического дискурса фиксируются также с помощью таких специфичных типов речевых актов, как перформативы, декларативы, комиссивы. Специфичным является исключительно перформативный характер юридических высказываний, в соответствии с которыми само высказывание приравнивается к действию. Сказать в юридическом дискурсе может означать реализовать определенный правовой акт разрешающего, запрещающего или наказывающего характера. Так, оглашение приговора - это не просто констатация юридического факта, но перформативный речевой акт, являющийся собственно правовым действием по реализации наказания. Такое же понимание сути речевых действий справедливо для подписания соглашения, визирования документов, объявление об амнистии, судебный отказ в пересмотре материалов дела и так далее.

«Перформативная сила» юридического дискурса достигается не только за

счет использования определенных речевых актов в соответствии с целями нормирования, регулирования и принуждения, но и благодаря применению типичных, фиксированных (клишированных) языковых единиц и средств. Типичность судебных, законотворческих, пенитенциарных и прочих ситуаций, имеющих к реализации юридических дискурсных практик, предполагает устойчивость номинаций ситуаций и выполняемых в их границах действий («суд постановил», «на основании материалов дела», «установить легитимный характер», «выслушать мнение сторон», «с учетом смягчающих обстоятельств», «правоохранительные органы», «признаки состава преступления», etc.).

Еще одним языковым средством усиления перформативного и принуждающего действия юридического дискурса является широкое использование в нем модальных высказываний («должен», «не обязан», «может»).

Акцентирование абсолютного и универсального (в конкретных культурно-исторических и политических условиях) действия закона осуществляется в юридическом дискурсе с помощью пассивных конструкций («назначается», «преследуется», «требуется») и с помощью лексических средств с обобщающей семантикой – «каждый», «все», «никто», «во всех случаях». На мой взгляд, эта особенность свидетельствует не только о характерном для юридического дискурса «коллективном авторстве», но и о своего рода «отчуждении» правового решения от обыденных действий индивидов и их волеизъявления, в том числе – от субъективности индивидуального или коллективного автора юридического текста. Присутствие в юридическом языке «объективированного субъекта» реифицирует и онтологизирует закон, переводя его из сферы субъективных речемыслительных операций в область объективно существующего. Этот «перевод» подкрепляется когнитивными средствами юридического дискурса: познание в рамках юридического дискурса также «отделяет» субъекта права от объективного характера последнего.

Образовательно-педагогический дискурс

Поскольку, исходя из его онтологических и телеологических особенностей, образовательно-педагогический дискурс выстраивается таким образом, что одна группа коммуникантов передает другой группе некоторые знания и ценности относительно социокультурной реальности и оценивает её (группы) успехи, то наиболее значимыми *речевыми актами* являются:

- директивы, наделяющие адресата «правом действования и знания»; с помощью директивов адресант принуждает «ученика» совершить определенные действия – поведенческие, когнитивные и вербальные;

- репрезентативы, предоставляющие описание и оценку положения дел, а также оценку действий «ученика»; этот вид речевых актов используется для «конвертации» объективного положения дел в знания, а также для характеристики успехов адресата образовательно-педагогического дискурса в познании и поведении, для оценки соответствия воспроизводимого адресатом знания установленным стандартам;

- декларативы, конституирующие «институциональные факты» и

характерные для всех типов институционального дискурса. Декларативно-перформативный характер в образовании носят, скорее, высказывания, реализуемые на управленческо-административном уровне образования (например, высказывания о зачислении и отчислении студентов, назначении сотрудника на должность, вынесение выговоров и поощрений и т.д.). Однако, специфичным для образовательно-педагогического дискурса является использование, по определению Н.К.Рябцевой, так называемых «ментальных перформативов», конституирующих не социальные действия, а интеллектуальные операции (примерами «ментальных перформативов» могут быть высказывания, оперирующие глаголами «проанализируем», «рассмотрим» (Рябцева 1992), что позволяет сравнить его с научным дискурсом, который также в большей степени обращен к когнитивным процессам, нежели к социальным действиям, конструирование которых, в свою очередь, характерно для политического и юридического дискурсов.

Специфичной чертой образовательно-педагогического дискурса является градуальный характер оценивания, что практически не встречается в других типах дискурса. Оценочная речевая стратегия выражает социальную значимость агента образования как «носителя и выразителя» институционального знания, социокультурных ценностей и норм и реализуется в праве учителя давать оценку положению вещей и вербализируемым знаниям ученика.

В отношении языковых средств в образовательно-педагогическом дискурсе преобладают понятийные средства (эмоционально-нейтральные, выполняющие представительскую и обозначающую функции). Важным является тот факт, что в языке образовательно-педагогического дискурса преобладают операторы должествования («следует», «необходимо», «должно»), релевантные положительным ценностям.

Эти и прочие характерные черты языка образовательно-педагогического дискурса, с одной стороны, жестко подчиняются его базовым целям объяснения, нормирования, принуждения; в то же время они носят в той или иной степени выраженный технологический характер. Взаимодействие учителя и ученика предполагает не только усвоение адресатом значений высказываний, но и самих речевых формул. «Воспитуемый» («ученик») не только интериоризирует знания, выраженные с помощью высказываний, не только выполняет определенные действия, предполагаемые речевыми актами, но и переводит во внутренний план форму высказываний с тем, чтобы адресаты воспроизводили их в различных институциональных ситуациях. Успешным образовательно-педагогическим взаимодействием будет считаться то, эффектом которого является воспроизведение и транслируемых знаний, и моделей поведения, и самой «формы трансляции»; это является залогом непрерывности образования и образовательно-педагогического дискурса. *Социализация означает, помимо прочего, научение дискурсной практике, а язык образования не только выражает, объясняет и побуждает, но и воспроизводит себя в опыте воспитуемых*. Следует отличать эту особенность от мультиплицирования устойчивых речевых формул в юридическом, политическом и прочих дискурсах: если, например, право предполагает наличие определенных профессиональных полномочий для

воспроизводства юридических высказываний, то образование в большей степени зависит от общей социокультурной компетентности коммуникантов. В этом отношении образование создает условия для профессионализации иных дискурсов. Устойчивые специфичные юридические формулировки воспроизводятся профессионалами в юриспруденции, но их «опривычивание», создание дискурсно-языковой компетентности - это задача образовательно-педагогического дискурса.

Список литературы:

Бодрийяр, Ж. Соблазн. – М.: Ad Marginem, 2000.Wodak, R. Disorders of discourse. – London; New York, 1996;

Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992.

Fairclough, N. Critical discourse analysis. – London: Longman, 1995;

Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004;

Hodge, B., Kress, G. Social semiotics. – Cambridge: Polity Press, 1988.